

3 апреля свое 65-летие отметил известный режиссер и драматург, заслуженный деятель искусств России, лауреат различных российских и международных премий Марк Розовский...

— Марк Григорьевич, Шиллер говорил: «Будь верен мечтам своей юности». Если 17-летний Марик встретил сегодняшнего Марка Григорьевича, он не был бы испуган?

— Как 17-летний Марик бредил театром, так и сейчас я им брежу. Что, в сущности, изменилось?! Наверное, только то, что ныне у меня другие возможности для самовыражения.

Самым страшным было, когда НЕ ДАВАЛИ что-то сотворить, когда унижали и оскорбляли вычеркиванием — не из списков, нет, а из самой жизни.

Когда показывали: ты — лишний, чужой или заставляли делать то, что мне было глубоко противно... Можно

сказать так: весь советский народ, от мала до велика, шел на компромиссы. За исключением только диссидентов. Но я их считаю мучениками за всех нас. Это они выстрадали все лучшее, что есть в нашей сегодняшней жизни.

— Почему разогнали студенческий театр «Наш дом»?

— «Наш дом» был театральным самиздатом того времени, вот за это его и разгромили. Не помогла даже бешеная популярность, оказалось, что мы были никому не нужны, кроме зрителя. Конечно, нами занималась Комгорта Глубокого Бурения, точнее, Организация, еще точнее, Система. Убийство произошло 23 декабря 1969

года. Нашими киллерами выступили члены объединенного профкома МГУ — среди них было несколько профессоров, докторов наук, даже один проректор... А главный убийца — как бы теперь назвали «заказчик» — секретарь парткома МГУ тов. В.Н. Ягодкин сидел рядом, в кабинете, на том же этаже высотного здания и ждал, когда его сообщники вынесут нам приговор с революционным словом: «ликвидировать». Нас действительно ликвидировали. Классный театр уничтожили как класс. Это была первая трагедия моей жизни.

— После того как «Наш дом» был закрыт, начались годы вашего варяжничества: БДТ — Товстоногов, Рижский драмтеатр — Кац, МХАТ — Ефремов... Кто из них оказал на вас наибольшее влияние и кого вы считаете своим учителем?

времен вы сохранили некий крен в идеологию шестидесятилетия, но людям последующих поколений он неприятен и, следовательно, неинтересен?

— Я не совсем понимаю, что такое «идеология шестидесятилетия». Хотя бы потому, что они, шестидесятники, страдали как раз больше всего от насилия со стороны идеологии. Сегодня под шестидесятниками часто разумеют таких романтиков с большой дороги с гитаркой в руках. Это абсолютно искаженный образ. Конечно, у нас были иллюзии относительно «социализма с человеческим лицом», но наши танки, въехавшие в Прагу, в миг раздавили последние остатки нашей веры.

Далее было полное разочарование в идеологии коммунизма.

вого сада», «Черного квадрата», и Олби («Кто боится Вирджинии Вулф?») — этих сугубо психологических зрелищ — я сейчас живу и работаю на другой планете, пытаюсь соорудить представленные бродвейского толка: «Кабаре, или Боб Фосс живет в Москве»... Премьера этого мюзикла состоится в мае на новой сцене Мосбизнесцентра.

— Помимо театра, вы ведете курс в Институте русского театра, преподаете в РГГУ, а также два года работали в Комиссии по помилованию при президенте России. Но если насчет театрального института все понятно, то общественная деятельность, никак не связанная с искусством, зачем она вам нужна?

— Я рассматривал свою работу в разогнанной комиссии как логичное продолже-

Марк РОЗОВСКИЙ:

ТЕАТР — ДЕЛО ВЕСЕЛОЕ

ОН И РАСКОЛЬНИКОВА ЗАСТАВИТ ЗАПЕТЬ, И СТАРУШКУ

Марк Розовский дома, то есть на сцене

— Время от времени (когда это удавалось!) я работал в лучших театрах страны — какое же это «варяжничество»? С Товстоноговым мне повезло, с Ригой у Каца — это была судьба, с Ефремовым во МХАТе — Божья поддержка... Каждому из них я обязан жизнью.

Они помогли мне, проявив немалое мужество. Ведь для других я был: а) еврей, б) «антисоветчик», в) «без театрального образования» и г) «опасный конкурент». Безусловно, у каждого я чему-то учился, хотя моим учителем в прямом смысле слова никто из них не был. Но я учусь и сегодня — у Мейерхольда, у Станиславского...

Вот Михоэлс вспоминает прекрасную байку про Гуно, который как-то сказал: «Когда мне было 20 лет, я говорил: «Я». Когда мне стало 30, я говорил: «Я и Моцарт», когда 40: «Моцарт и я». А когда исполнилось 60: «Только Моцарт». И сегодня я, продолжая Гуно, могу лишь добавить: «Снова я, но благодаря не только Моцарту!».

— Вами была поставлена первая в СССР рок-опера «Орфей и Эвридика». Наверное, отсюда идет ваша страсть к жанру мюзикла. Кстати, я слышал о либретто, написанном вами с Кончаловским и Ряшенцевым к опере по «Преступлению и наказанию»...

— Да, либретто оперы написано давно, да и музыка Эдуарда Артемьева тоже почти готова, но вот это «почти» тянется уже больше десятка лет. Впрочем, куда торопиться — ведь в основе то вечное произведение Достоевского! Конечно, хотелось бы пораньше... Но ведь эта опера просто обязана быть гениальной, а с ходу, на скорости такие высоты не берутся. И деньги для проекта требуются немалые... В общем, давайте еще подождем. Авось, когда-нибудь эта премьера состоится — и верю, что это произойдет при моей жизни. Андрон будет постановщиком, а это означает, что герои Достоевского запоют, мы это обещаем!

— В конце концов ваши метания кончились, и появился театр «У Никитских ворот», который по духу и по своей идеологии стал продолжением «Нашего дома». Вам не кажется, что еще с тех

В наследство нам теперь достались человеконенавистничество, неспособность к честному труду и бизнесу. Нам ничего не светит, если мы, дружно взявшись за руки, не покинем эту нашу родную зону — пространство бескультурия и вранья. Шестидесятники первыми сделали попытку вырваться к другой, более свободной жизни. Многие своими трагическими судьбами умостили дорогу в будущее, и если мы кому-то сейчас «неинтересны», этот кто-то обязательно поплачется за свою неблагодарность.

— На ваш взгляд, вписывается ли театр «У Никитских ворот» в культурный ландшафт столицы, потому что, честно говоря, порой складывается впечатление, что вы вольно или нет из него как-то выбиваетесь, стоите особняком?

— Это верное впечатление. Действительно, театр «У Никитских ворот» живет какой-то отдельной от всех жизнью. С одной стороны, мы на виду, аншлаги 19 лет подряд, постоянные зарубежные гастроли, с другой — мы вне обоймы. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что помогает сосредоточиться.

А плохо потому, что театр — общественное дело и хочешь не хочешь, а артисту требуются и успех, и признание со стороны не только зрителей, но и коллег... Важно не сойти с ума, не закомпликсовать, не втравиться в безумную погоню за деньгами — иначе гибель тебе самому и твоему делу. В российском искусстве всегда было такое понятие — служение. И не просто служение, а служение Высшему. Его нам всем сейчас не хватает, как никогда.

Театр, забывающий это понятие или сознательно отвергший его, обязательно приходит к дурновкусию форм, к выветриванию содержания. Вот почему я зову и себя самого, и своих актеров к другому — к акту полноценной художественной игры, где не пустота правит бал, а происходит некий, извините за высокопарность, духовный поиск.

Впрочем, иногда и поразвлекаться можно. Потешать надо тоже уметь!.. Театр — дело веселое, разноязыковое, разностильное... Тем он и прекрасен. После «Вишне-

ние того, что я делаю в театре. Между прочим еще в 1972 году на сцене Литературного музея в моей постановке шла «Казнь Троппмана» Ивана Сергеевича Тургенева, где ставилась проблема смертной казни, — быть или не быть этому позору. А также к чему может привести позиция людей, думающих, что насилие можно победить насилием.

Далее, я ведь зачем-то ставил и «Историю лошади» Толстого и «Убивца» по «Преступлению и наказанию»...

Жаль, что в президентской команде мы не были услышаны. И жаль, что сегодня то, что записано в Конституции России как закон для жизни, в реальности предстает в уродливой форме. Бюрократия и психология КГБ опять торжествуют, а человек тем временем гибнет, человечность в очередной раз оказывается попрана.

— «Невыходной» на сцену, невыездовой за рубеж. Но вы чему-то улыбались в то время (может, ваш опыт нам еще пригодится)?

— Первые 50 лет своей жизни я был «невыездовой». «История лошади» шла по всему миру, а я, как бедный родственник, не присутствовал ни на одной премьере. Ни в Нью-Йорке, где пьеса шла на Бродвее, ни в Стокгольме, ни в Японии, ни в Голландии... Так вот однажды я получаю телеграмму от самого сэра Питера Холла, руководителя Национального лондонского театра: «Ждем вас в пятницу на премьеру вашей пьесы... ваши места такие-то». Наивный сэр полагал, что я, получив приглашение, тотчас поеду в аэропорт, куплю билет Москва—Лондон и улечу ближайшим рейсом!..

Помнится, в ту пятницу мы с женой Галей присели на кухне, приоткрыли бутылочку родимой водочки, зажгли свечку (чтоб сделать атмосферу праздника более театральной), посмотрели на часы (с учетом разницы во времени) и хлопнули по стопке в честь моей английской премьеры. А телеграмму ту я никому не показал и до сих пор храню дома как реликвию времен застоя.

Александр СЛАВУЦКИЙ

Розовский - Марк

8 апр. 2002

14